

«Человек телесный»
в социокультурном контексте раннесоветской эпохи:
аксиология и социальные практики

Ирина М. Быховская

*Московский городской педагогический университет,
Москва, Россия, bykirina@gmail.com*

Аннотация. В статье рассматривается телесная (физическая) культура человека как феномен, производный от социального и культурного контекста бытия «человека телесного». Эта общая методологическая позиция раскрывается на материале конкретной эпохи – периоде становления советского общества. Проведенный анализ опирается на публикации 1920–1930-х гг., связанные с вопросами развития телесной (физической) культуры человека, на художественное творчество того времени, в котором запечатлен идеал «нового человека» – крепкого, здорового, жизнерадостного. Концептуально-идеологическое обоснование аксиологии человеческого тела, характерное для рассматриваемого времени, подкрепляется научно-методическими работами для соответствующих телесных практик – образовательной, воспитательной, для развития досугового массового спорта. Ключевыми идеями, определившими достаточно высокую заинтересованность молодой советской власти в развитии телесной культуры, были укрепление инструментальных возможностей тела (для повышения производительности труда, боеспособности армии); использование ее потенциала для борьбы с вредными привычками (массовый спорт как вид здорового досуга), для включения женщины в активную жизнь, для интеграции людей в поликультурном пространстве. Развитие телесной культуры представлялось одной из форм вхождения человека в пространство культуры вообще (развитие «правильных» нравственных и эстетических качеств); утверждение массового, народного спорта рассматривалось как один из маркеров противоположения нового мира «старому» с его буржуазным спортом – ярким порождением капитализма. Исследование является еще одним шагом в развитии сравнительно-культурного анализа многообразия моделей телесной (физической) культуры как важной составной части культурно-антропологического, историко-культурного, собственно культурологического сегментов современной науки.

Ключевые слова: тело, телесная культура, физическая культура, советский спорт, телесные практики

Для цитирования: Быховская И.М. «Человек телесный» в социокультурном контексте раннесоветской эпохи: аксиология и социальные практики // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2019. № 8. С. 65–82. DOI: 10.28995/2686-7249-2019-8-65-82

“Homo Corporis” in the socio-cultural context of early Soviet era: axiology and social practices

Irina M. Bykhovskaya

Moscow City University, Moscow, Russia, bykirina@gmail.com

Abstract. The article is devoted to the analysis of human body culture (physical culture) as a phenomenon strong influenced by the social and cultural context of “Homo Corporis” being. This general methodological position is revealed on the material of a concrete epoch – the period of the formation of Soviet society, characterized by its axiology of the human body and some relevant practices based on it. The analysis is based on the publications of the 1920s – 1930s, related to the development of the body (physical) culture, on the art items, art production of that time, which captures the ideal of the “new man” – strong, healthy, cheerful. The axiology of the human body in early soviet time was based on relevant conceptual and ideological substantiation, scientific and methodological investigations which were the regulators for body practices in the fields of education, socialization, leisure mass sports, etc. The key ideas that determined notably big interest of the Soviet authorities in the development of body culture were such as the strengthening of the instrumental capabilities of the body (to increase the productivity of labor, the army’s combat capability); using its potential to struggle with bad habits (mass sports as a kind of healthy leisure), to include passive women in active life, to organize new integrative multicultural space. The body culture practices were estimated as one of the accessible, “light” form for the person entering into the space of culture per se (through “correct” moral and aesthetic qualities arising). The representation of mass, people sport was considered as one of the markers to clarify the opposition to the “old” society with its bourgeois sport, the product of inhumane capitalism. This investigation is a next small step for the development of a comparative-cultural analysis of the diversity of models of body (physical) culture as an important part of modern social studies and cultural researches.

Keywords: body, body culture, physical culture, Soviet sport, body practices

For citation: Bykhovskaya IM. “Homo Corporis” in the socio-cultural context of early Soviet era: axiology and social practices. *RSUH / RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*. 2019;8:65-82. DOI: 10.28995/2686-7249-2019-8-65-82

Введение

«Дано мне тело. Что мне делать с ним...»

О. Мандельштам

«Придать бы плоти немного сути»

Ст. Ежи Лец

«...В царство свободы дорогу грудью
проложим себе»

Л.П. Радин

Вопрос – Ответ – Действие: цитаты, взятые для эпиграфа к статье, отражают три ракурса взгляда на тело, на одну из ипостасей человека, данную ему как значимый и *неотъемлемый* атрибут существования. Сам по себе факт «вотелесненности» личности, банальный и непреложный, в разной мере является предметом рефлексии в различных научно-дисциплинарных традициях. Степень и характер реализации идеи «придать бы плоти немного сути» определяется множеством факторов – от социально-культурного контекста конкретной исторической эпохи, ее мировоззренческих, аксиологических доминант до содержания индивидуального процесса инкультурации, обеспечиваемого конкретными агентами этого процесса, – семьей, институтами образования и т. д. Добавив сюда еще и воздействия социально-групповые, субкультурные, опосредующие процесс формирования «человека телесного» на разных этапах его становления, констатируем существование внушительной матрицы, структурирующей процесс изучения телесности человека в ее онтологическом, гносеологическом, аксиологическом, праксеологическом измерениях.

Тело человека

как объект социокультурного анализа

Исследования, которые можно отнести к направлению, условно обозначаемому нами как «социокультурная соматология», все более прочно занимают свое место в сегменте социальных и гуманитарных наук. Конечно, к решению классического философско-мировоззренческого вопроса о соотношении / взаимодействии души и тела этот тезис отношения не имеет – непреходящий его характер очевиден. В данном случае имеется в виду тот вектор все более

активно развивающихся исследований как за рубежом (М. Фуко, М. Фитерстоун, З. Кравчик, К. Шиллинг, П. Бурдые и др.), так и в России (В.И. Жаров, Н.Н. Визитей, В.И. Столяров, М.Н. Эпштейн и др.), которые направлены на изучение характера, механизмов, смыслов, многообразия воздействий на человеческое тело социальных институтов и процессов, культурных норм, ценностей, паттернов поведения, стереотипов мышления, с одной стороны, а также встречаемых, более широких, чем вопросы тела, социальных и культурных последствий – с другой.

В отечественных научных штудиях социального профиля указанная тематика как особая предметная область отсутствовала в течение многих десятилетий, поскольку тело как объект изучения было отнесено к блоку естественно-научных дисциплин. Вероятно, одной из причин этого было своего рода «научное фарисейство», когда объектами, достойными социального и гуманитарного изучения, могло быть лишь «высокое», «разумное» и т. п., т. е. ровно противоположное «природности», приземленности тела, представляющему материально-низменное в человеке. В контексте развития социальных наук западных стран, где такого рода идеологические рамки были менее жесткими, телесная проблематика представлена более широко, однако и там получение ею позиции, соразмерной со многими другими сегментами социально-культурного изучения человека, выход из зоны относительной маргинальности относят лишь к 80-м гг. XX в., ознаменовавшимся «возвращением к телу» [1].

Катализаторами этого процесса стали как внутренние механизмы развития антропологического знания, стимулирующие углубление и все большую детализацию в изучении объективно значимой телесной компоненты бытия личности, так и серьезные трансформации в контексте существования «человека телесного» – цивилизационно-технологические, социально-коммуникационные, культурно-аксиологические. Своего рода «триггерами» повышения интереса к вопросам, связанным с телом человека, стали принципиальные изменения в образе жизни, сопровождающиеся ростом гиподинамии и иных атрибутов технологического прогресса; рост ценности человеческой индивидуальности и глобальный тренд на визуализацию; интенсификация влияния экологических факторов и тотальная «медикализация» телесной оболочки; масштабы распространения немыслимых прежде технологических возможностей для изменения человеческой внешности «под заказ» и т. д. Все эти обстоятельства не могли не стимулировать рост исследовательского интереса к выявлению многочисленных точек пересечения тела человека с социальными процессами и культур-

ными контекстами, анализа характера сопряженности, возникающего в них. Активизация такого рода исследований обнаружила себя как применительно к феноменам и процессам, связанным с телесным бытием человека в актуальном, сегодняшнем социокультурном пространстве, так и в существенном расширении интереса к предмету под названием «история тела» в его социокультурной интерпретации.

Анализ особенностей бытия «человека телесного» в конкретном социокультурном контексте – ретроспективном или остро современном – позволяет, с одной стороны, пополнять активы социокультурной соматологии, все еще имеющие множество лакун, а с другой – вносить новые оттенки и профили в картину той эпохи, культуры, сообщества, в контексте которых этот анализ проводился. Стремление к такому двустороннему исследовательскому движению определяет и логику построения данной статьи, поскольку в качестве конкретного поля анализа выбран период, в рамках которого, с одной стороны, достаточно ярко проявила себя сопряженность аксиологии тела (и соответствующих телесных практик) с особенностями социокультурного пространства, а с другой – само это пространство обретает дополнительные краски, не всегда акцентируемые исследователями.

Столь привлекательным, в указанном смысле, социальным материалом является период становления советского общества, который может рассматриваться как «естественная» лаборатория для обнаружения социокультурных влияний на «телесное сознание» и телесные практики эпохи; как своего рода матрица для case-study в интересующей нас области. Социальная и культурная обусловленность того, что связано с телом человека, носит здесь характер эксплицитной выраженности, артикулированности и даже, в определенной мере, эстетической окрашенности. Проявления этого нашли выражение в значимости, придаваемой вопросам телесной, физической культуры человека в общесоциальном и культурном пространствах, в характере концептуально-мировоззренческого обоснования социально одобряемых практик «работы с телом» и в нормативно-аксиологических регуляторах процесса становления «культурной личности». Рамки статьи позволяют обратиться лишь к некоторым из областей, релевантных для рассмотрения обозначенных векторов сопряжения, а именно к тем, что представляются наиболее яркими в интересующем нас ракурсе, – к сфере социализации и воспитания личности, а также к области спорта и физической культуры.

*Новый человек – человек,
совершенный во всех ипостасях*

Формирование человека, принципиально отличающегося, а точнее превосходящего человека старого, буржуазного мира, было изначально провозглашено молодой советской властью одной из стратегических задач, решение которой определяло магистральные линии практических действий в самых разных областях жизни. Именно он, новый человек, должен был стать презентационной моделью создания общества мечты; именно он, наряду с пейзажем строек и иных атрибутов перестраиваемого пространства, должен был *воплотить* в себе успешность радикальных перемен, *явить* всему «старому миру» достоинства мира нового. Нет ничего удивительного в том, что здоровое, красивое тело человека как носитель такого рода информации (наряду с его пониманием как важного естественного «инструмента», необходимого для достижения провозглашенных целей) с самого начала стало предметом заинтересованного отношения государства.

Декларации, предписания, инструкции, методические рекомендации и т. п., отражающие эту позицию, разрабатывались и распространялись как регуляторы практик в образовательной, воспитательной, оздоровительной, досуговой сферах (о богатой коллекции таких документов см. [2]). Наряду с этим активно формировался и соответствующий визуальный ряд, позволявший наглядно представить те целевые ориентиры, которые определяли образ «правильного», нового человека. Широкий спектр художественной продукции 1920–1930-х гг. – плакатно-агитационной, живописной, скульптурной и т. п. – нес в массы образцы для подражания в виде крепких, румяных, физически состоятельных людей [3–5]. Англоязычный термин *“fit”* (подходящий, соответствующий), масштабно проросший во всеязычном «фитнесе» в XX в., вполне по сути своей адекватен и для описания *стратегии достижения соответствия* «человека телесного» *запросу* общества той эпохи. Однако применительно к рассматриваемому периоду смысловая нагрузка «соответствия» имела существенное отличие, если сравнивать ее с современным, индивидуализированным, толкованием физической «подходящести»: точкой отсчета было «соответствие» не какому-то индивидуальному, личностному запросу, и даже не некоему социальному, а лишь и только *государственному* – запросу, заказу, предписанию.

Если наглядность такого запроса обеспечивалась уже упомянутой его масштабной художественной визуализацией, то ответы на него действием включили весьма интенсивную работу по не-

скольким направлениям: создание научно-теоретической базы, релевантной поставленной задаче; преобразование практик образования и воспитания как важнейших каналов воздействия на телесную компоненту; развитие массового (досугового) спорта как средства укрепления здоровья и борьбы с вредными привычками, его разрушающими. Все эти векторы движения и должны были практически обеспечить достижение стратегически значимой цели – создание «улучшенного» человека, *соответствующего* высокому статусу гражданина нового мира, т. е. *практически эффективного инструмента* (в ту-то эпоху особенно!) социальных преобразований и запланированных свершений. Не периферийность этого интереса, очевидная поддержка в развитии телесно-ориентированных практик как важной компоненты процесса формирования гармоничной личности, возможно, обуславливались также и пониманием (возможно, просто на уровне интуиции) того, что преобразование внутреннего мира человека, его интеллектуальных достижений и пр. предполагает существенно более долгий и сложный путь, чем работа с внешней атрибутикой, т. е. с телом человека. Однако если это и было фактором, то скорее находящимся где-то в зоне «периферийного политического зрения». В фокусе же, несомненно, наряду с главной ориентацией на «формирование здорового советского тела средствами физической культуры» [6 р. 320] находилась еще и идея (имевшая «сквозное» звучание *во всех* областях жизни) противопоставить сферу создания новой телесности, а именно массовый, народный спорт «старому», буржуазному спорту, одному из порождений капитализма, отвергнутого новым обществом.

Одной из задач, в постановке которой отчетливо читается такого рода ориентация, стала цель построения новой, *не* буржуазной, научной базы для соответствующих практик совершенствования тела, поскольку «без выявления классовых интересов мы не можем проводить физическое воспитание трудящихся» [7 с. 6]. Эта задача была положена в основание деятельности профильных учебно-научных организаций, а распространение получаемых результатов и новых идей было предписано вновь создаваемым профильным периодическим изданиям, в частности журналу «Теория и практика физической культуры», первый выпуск которого увидел свет в 1925 г. Среди важнейших редакционных задач этого издания была указана и такая: «...социалистическое и биологическое обоснование советской системы физкультуры...» [2 с. 454]. Совмещение идеологического («социалистическое») и собственно научного («биологическое») было, как известно, типичным кентавризмом того времени, присутствовавшим на всех

этапах – от постановки целей до подготовки правильных отчетов об их успешной реализации. Обсуждая необходимость подведения серьезной научной базы под практики телесного воспитания (которое в последующем все чаще стало обозначаться как воспитание физическое), А.А. Зикмунд, ректор Центрального института физической культуры, утверждал:

Мы используем западноевропейские ценности, пропуская их через диалектическое сито. Решительно будем отклонять всякую попытку внедрений в наше хозяйство или культуру, в том числе и физкультуру, буржуазных рецептов. Биологию мы ценим, уважаем, но только в социалистическом освещении»¹ [цит. по: 8 с. 18–19]. Специфическое «уважение» биологии должно было привести к тому, чтобы была сформирована «...биосоциальная наука, имеющая целью совершенствование природы человека в смысле повышения его жизнедеятельности в целях увеличения продуктивности труда» (8 с. 18–19).

Научный базис для усовершенствования «человека телесного» в конце 1920 – начале 1930-х гг. включал в течение небольшого отрезка времени и разработку принципов и технологий «социальной евгеники», развитие которой достаточно тесно пересекалось с решением задачи формирования физически совершенного человека средствами массового спорта (более подробно об этом см. [8]). В редакционной статье журнала «Теория и практика физической культуры», посвященной уточнению приоритетных тем издания, читаем:

Ставя своей основной задачей всемерное содействие выполнению Советами физической культуры и органами здравоохранения заданий, возложенных на них постановлением Президиума ЦИК СССР от 3 апреля 1930 года в области научно-практической работы, редакция журнала «Теория и практика физической культуры» ставит на 1931 год две главных ведущих темы, подлежащих освещению на страницах журнала: 1. Физкультура как фактор повышения производительности труда и борьбы с профвредностями и 2. Физкультура как социально-евгенический фактор... Страницы журнала для материалов по проблеме «физкультура как социально-евгенический фактор... будут предоставляться редакцией в первую очередь...» [2 с. 457].

¹ Цит по: *Карпушко Н.А.* Историко-теоретический анализ школьных программ по физической культуре: Учеб. пособие. М.: ГЦОЛИФК, 1992. 65 с.

*«Атлетом можешь ты не быть,
но физкультурником – обязан»*

Эта строчка, взятая с социального плаката, созданного художником А.А. Дейнекой в 1933 г., отражает одну из доминант идеологии совершенствования «человека телесного» – идею тотального, массового призыва в ряды укрепляющих свое здоровье, улучшающих и умножающих свои физические кондиции во имя Родины. Крепкие, здоровые, румяные люди на плакате внушают оптимизм и веру в счастливое будущее страны, обращаясь к согражданам: «Работай, строй и не ный! Нам к новой жизни путь указан. Атлетом можешь ты не быть, но физкультурником – обязан».

Вполне понятный акцент на оздоровительную направленность в развитии массового спорта, физической культуры (хотя и далеко не единственный придававшийся ей смысл) организационно-управленчески подкреплялся фактом совмещения проф. Н.А. Семашко двух постов – наркома здравоохранения и председателя Высшего совета физической культуры (ВСФК). А его назначение еще также и ответственным редактором упомянутого выше специализированного издания «Теория и практика физической культуры» определило повышенное внимание к развитию медико-биологических основ спортивно-физкультурной практики, что нашло отражение, в частности, в значительном крене публикационной активности в эту предметную область [2 с. 386]. В то же время, видимо, профессиональная компетентность, диктовала самому Семашко необходимость высказывать некоторую осторожность и репризы, сдерживающие ретивость менее грамотных, но энергичных исполнителей. Даже в своих публицистических статьях, окрашенных призывами и декларациями, он настаивал на осторожном подходе к реализации идеи массового призыва в физкультурники:

С выбором физических упражнений для рабочего надо быть сугубо осторожным. Даже такое физическое упражнение, которое бесспорно полезно вообще для организма, может оказаться вредным для рабочего в том случае, если оно повторяет вредность его профессии. Пример: как ни полезен вообще умеренный бег, но он будет вреден в качестве корректирующего упражнения для тех профессий, которые связаны с постоянным движением (разносчики, грузчики и т. д.). Для профессий, связанных с большой затратой физических и умственных сил, лучшей формой коррекции будет абсолютный покой, т. е. отсутствие физических упражнений. На учете профвредностей должна быть обязательно построена вся система физкультуры для членов профсоюзов [9].

Формирование моделей физического воспитания, адекватных характеристикам целевых групп (используя современную терминологию), уже тогда стало одной из магистральных линий развития этой сферы (более подробно об этом см. [10]). Диверсифицированность проблемно-тематической структуры проводимых исследований и предлагаемых разработок была, с одной стороны, откликом на социально-государственный запрос, отражающий необходимость решения проблем применительно к разным областям социальной жизни. С другой стороны, активность в научной и методической сферах, обеспечивавших продвижение физического воспитания, оздоровительных практик, была в большой мере основана на использовании того потенциала, который сформировался в дореволюционный период. Концептуальные и методические разработки П.Ф. Лесгафта, сохранившие свою безусловную авторитетность и для корпуса новых советских специалистов, внедрялись в практику и продвигались, в том числе, и «живыми» продолжателями традиций Лесгафта, его бывшими соратниками и учениками. Так, один из них, проф. В.В. Гориневский, используя весь научный капитал, накопленный в досоветскую эпоху, стал одним из классиков в новом научно-образовательном пространстве, призывая в то же время опираться в решении вопросов физического воспитания на тот не только научно-теоретический, но и «живой» человеческий капитал, который сохранился, – прежде всего в молодом поколении [11]. То, что немалое число специалистов-«естественников», исследователей и практиков от спорта из дореволюционной России непосредственно «перетекли» в активную профессиональную деятельность в России советской, вероятно, было связано с относительной неидеологизированностью этих областей знания, а это, в свою очередь, обеспечило возможность поддержания необходимого (для своего времени) уровня разработок как в естественно-научном, так и в методико-педагогическом сегменте профильного знания, затрагивающих как общие проблемы физического совершенствования и массового спорта, так и вопросы отдельных форм и видов этих практик. Примером последнего могут служить, например, работы М.Д. Ромма, дореволюционного выпускника Московского университета, двоюродного брата знаменитого кинорежиссера М.И. Ромма [12].

Наряду с проведением исследований и подготовкой методических материалов, ориентированных на получение от физической культуры эффекта экономического, прежде всего через снижение заболеваемости среди бойцов трудовой армии и повышение производительности труда, важным – и вполне естественным – вектором таких разработок было все, что связано с вопросами повышения

боеспособности армии. Л.Д. Троцкий не раз обращался к этому предмету, хотя, как правило, уточнял, что спорт и физическая культура имеют существенно более широкое значение для развития общества, чем просто укрепление армейских рядов:

...Задача физической культуры несравненно шире той специальной задачи, которой посвящено военное ведомство. Армия есть временное учреждение, и мы ликвидируем армию вместе с ликвидацией буржуазного общества, а физическая культура, разумеется, не ликвидируется, она сохранится до тех пор, пока сохранится на земле человек. Можно сказать даже, что настоящая физическая культура начнется именно тогда, когда исчезнет армия, когда исчезнет классовое общество, когда человек организуется в виде социалистического общежития, ибо только тогда человек сделает самого себя предметом своего обследования, наблюдения и сознательного научного воздействия... Когда человек будущего оглянется на прошлое, он с благодарностью вспомнит работу организаций физической культуры, которые подготовили пришествие этого будущего человека. [Но]... на ближайший период, который, вероятно, затянется на очень значительное количество лет, нам необходимо величайшее содружество организаций физкультуры с организацией Рабоче-Крестьянской Красной Армии².

Представленное здесь понимание массового спорта не просто как сиюминутной необходимости, связанной с текущими утилитарными задачами, а как средства подготовки «пришествия будущего человека», отражает тиражируемую в 1920-е гг. позицию, что задача физического воспитания – отнюдь «не только... узко медицинская, узко физкультурная... а основное условие успешности социалистического строительства...» [13], что объясняет весьма высокий статус этой сферы практики в целом.

Через физкультуру – к культуре

Еще одним обстоятельством, поднимающим статус физкультурно-спортивной деятельности в рассматриваемую эпоху, является ее позиционирование в 1920 – начале 1930-х гг. как обладающей серьезным потенциалом для процесса формирования новой, пролетарской культуры в целом. Такая оценка была связана с пониманием массового спорта как одной из наиболее *доступных* и *привле-*

² Троцкий Л.Д. Речь на Первом Всесоюзном совещании советов физической культуры // Известия физической культуры. 1924. № 10. С. 9–11.

кательных форм «окультуривания» человека, прежде лишенного доступа в мир культуры. Начальный этап этого процесса предполагал, естественно, нахождение относительно «облегченных» способов включения «самым быстрым образом» огромных масс в этот сложный мир, когда решалась задача «перепахать трактором культуры» все формируемое социальное пространство³. Конечно, сфера массового спорта лишь в небольшой мере могла способствовать знакомству с мировыми художественными шедеврами, а вот стать важным инструментом для развития качеств подлинно культурного человека она, как тогда казалось, могла. Апеллируя к идеям вождя пролетарской революции, Н.А. Семашко утверждал:

Физическую культуру он [Ленин] понимал в широком смысле слова. Он понимал, что страна наша, которая так отстала в отношении способности трудиться и умения отдыхать, должна иметь физическое воспитание основной задачей культурного строительства. Он понимал, что истинная культура в нашей стране будет проложена через физкультуру (цит. по [2 с. 397]).

«Прокладывать культуру через физкультуру» означало прежде всего формировать благодаря последней такие черты строителя нового общества, как коллективизм, оптимизм, волю, настойчивость и т. п. Так, в «Основных принципах единой трудовой школы» (1918 г.) записано: «Гимнастика и спорт должны развивать не только силу и ловкость, но и способствовать к отчетливым коллективным действиям...»⁴. Выбор адекватных средств для этого уточнялся в инструкциях и методичках: «...понятно, что мы не можем уделять много внимания гимнастическим трюкам. Рефлекс коллективной борьбы развивается массовыми играми, экскурсиями... публично-спортивными праздниками...» [7 с. 10–11]. В них можно было встретить и рекомендации, основанные, говоря современным языком, на принципах «отрицательного отбора» – через обоснование недопустимости продолжения использования тех буржуазных видов спорта, которые культивировали «индивидуализм», – например, бокса и футбола. «Что такое финт в английском футболе?» – задавался вопросом проф. И.П. Кулжинский в статье о футболе как изобретении английской буржуазии. «Финт – это обман. Таким образом, чему мы учим нашу молодежь? – Обманывать друг друга» (цит. по [14 с. 194]).

³ Бухарин Н.И. Избранные произведения. М.: Политиздат, 1988. С. 373.

⁴ Карпушко Н.А. Указ. соч. С. 20.

Лживая сущность буржуазного спорта раскрывалась не только применительно к отдельным его видам, но и, прежде всего, к нему как к социальному явлению в целом, как к порождению мирового капитализма. Хитро подсунув пролетариату такой «манок», культивируя и пропагандируя компенсаторные возможности физической активности, «буржуазия сделала из спорта, путем очень ловкого приема, одно из центральных оправданий существования капитализма, даже как бы материальную опору целого нового мирозерцания»⁵.

Стремление противопоставить новый, пролетарский спорт, объединяющий людей в их стремлении к телесно-духовному совершенствованию, спорту буржуазному было выражено не менее ярко и отчетливо, чем в других областях жизни, где утверждалась, аргументировалась линия демаркации «они» и «мы». И даже весьма просвещенные идеологи той эпохи не избежали искуса поиграть на этом поле – то ли в силу внутренних убеждений, то ли просто следуя заданным обстоятельствам. Весьма ярким примером тому являются «Мысли о спорте» А.В. Луначарского, вышедшие в 1930 г. и построенные в логике сравнительно-культурного анализа феномена спорта: как это есть «на Западе» и как это есть «у нас» (в кавычки взяты названия двух разделов брошюры). Признавая заметное место, которое спорт всегда занимал в разных обществах, автор противопоставляет избыточность, «нездоровый культ спорта, как чисто “телесной” культуры, который мы наблюдаем сейчас на Западе»⁶ здоровой социальной прагматике отношения к телу, отвечающей интересам трудящегося человека в родном Отечестве:

Когда знакомишься с тем, какое огромное место занимает спорт в жизни американского студента, – пишет автор, – то невольно спрашиваешь себя – когда же, собственно, американский студент успевает получить нужные ему знания, а тем более общее развитие... [он] ...до крайности равнодушен к окружающей общественной жизни, совершенно пуст в отношении философском, очень часто просто тупо-религиозен... весьма формально выполняет свои академические обязанности и, по-видимому, умеет потом... выполнять свои специальные функции... только потому, что вся американская жизнь построена очень крепко и располагает необъятными материальными ресурсами⁷.

⁵ Луначарский А.В. Мысли о спорте. М.: Акц. издат. о-во «Огонек», 1930. С. 16.

⁶ Там же.

⁷ Там же. С. 6.

Критическое описание заокеанского спорта как проявления избыточности внимания к телесно-физическим характеристикам человека, как зашкаливающего культа тела, вероятно, заставляет автора (для еще более яркого противопоставления) несколько перестроить «регистры» и в оценке отечественного спортивно-физкультурного поля, в частности его роли для развития культуры:

«...мы, материалисты, – люди светлой жизнерадостности,... признаем гигантское значение физкультуры», но все же «сторону культуры, которую мы называем не “духовной”, а “общественной”, – мы должны ставить выше физкультуры...»⁸.

Для рассматриваемой эпохи, как и для любого другого времени, в зависимости от контекста, характерно чередование «выше» – «ниже» на аксиологической шкале позиционирования всего, что связано с телесно-физической природой человека. Однако в целом все же можно с достаточной уверенностью говорить о том, что вопросы, связанные с развитием этой антропологической составляющей, заняли ощутимое место в социально-культурных исследованиях и проектах раннесоветского времени. Телесные практики (спорт, физическое воспитание, гигиена) рассматривались как «каналы» для распространения ценностей культуры, связанных с решением более общих социальных проблем – формирования «народного единства» в условиях полиэтничности, приобщения к искусству, изменения положения женщины в обществе и т. д. Предметом изучения становились принципы организации массовых спортивных зрелищ и методы использования их социально-культурного потенциала [15]; анализ взаимодействия спорта и искусства [16]; характер отношения спорта и религии [17].

Важной линией в формировании культуры (но не культа!) тела советского человека, в утверждении значимости физического воспитания была «гендерная линия»: множество публикаций и устных (вспомним об уровне грамотности!) выступлений были посвящены проблеме «женщина и спорт (физическая культура)». В достижении такой сцепки виделось содействие решению множества социокультурных проблем: сделать более здоровой женщину-работницу; более активной, уверенной в себе и полной «радостного духа» женщину-гражданина и, конечно, дать верный ориентир женщине-матери, женщине-воспитательнице. Одной из ее важнейших задач провозглашалось введение в повседневную

⁸ Луначарский А.В. Указ. соч. С. 39.

практику ребенка занятий физическими упражнениями, чтобы использовать это «надежное оружие... для успешной борьбы с дурной наследственностью, с физическим вырождением, а также с больным духом, с той преждевременной апатией, отсутствием энергии, которые наблюдаются в настоящее время даже у самой юной молодежи. Без здоровья, без ощущения физической свежести и силы не может быть и радости духа»⁹. В первые годы советской власти не только многие отечественные специалисты дореволюционной эпохи увидели здесь благодатную почву для новых форм «работы с телом» человека, но весьма яркие приезжие профессионалы пробовали воплотить здесь свои мечты о внедрении «свободного движения» – где же, как не в новом, свободном мире это могло стать явью? Один из наиболее известных примеров – приезд в молодую страну Айседоры Дункан, которая проповедовала идею гармонизации человека через обучение его свободному, раскованному движению, новой пластике.

Заключение

Проведенный краткий анализ того, как складывался феномен телесной культуры в раннесоветское время, какие целеполагающие основания определяли этот процесс, позволяет утверждать, что бытие “*Homo Corporis*”, особенности его развития (с точки зрения и концептуально-теоретического базиса, и структуры и функций поддерживаемых телесных практик) находятся в тесной связи с принципиальными контекстуальными характеристиками социума. В рамках данного конкретного хронотопа бытия «человека телесного» прослеживаются линии сопряжения между базовыми характеристиками социального поля существования личности, его культурного наполнения, мировоззренческих детерминант, с одной стороны, и аксиологией человеческого тела, проецирующейся на релевантные ей практики (воспитательные, образовательные, досуговые, оздоровительные) – с другой. Данное исследование – еще один небольшой шаг в развитии социокультурной соматологии, которая все больше укрепляет свои позиции в современной науке, прорастая (в полной мере или как смежная проблема) в контекстах культурно-антропологического, историко-культурного, социологического, собственно культурологического сегментов знания [18–25].

⁹ Русский спорт. 1919. № 14. С. 3.

Литература

1. *Frank A.* For a Sociology of the Body: an analytical review // *The Body: Social Process & Cultural Theory*. L.: Sage, 1991. P. 14–36.
2. *Суник А.* Очерки отечественной историографии истории физической культуры и спорта. М.: Советский спорт, 2010. 616 с.
3. *О'Махоуни М.* Спорт в СССР: физическая культура – визуальная культура / Пер. с англ. Е. Ляминой, А. Фишман. М.: Новое литературное обозрение, 2010. 296 с.
4. Спорт в советском фарфоре, графике, скульптуре / Науч. рук. изд. Е. Петрова. СПб.: Palace Editions, 2018. 232 с.
5. *Эдельман Р.* Серьезная забава: История зрелищного спорта в СССР / Пер. с англ. И.С. Давидян. М.: Советский спорт; АИРО-XXI, 2008. 400 с.
6. *Borrero M.* Sport in Russia and Eastern Europe // *Edelman R., Wilson W. (eds.) The Oxford Handbook of Sports History*. N.Y.: Oxford Univ. Press, 2017. P. 319–330.
7. *Зикмунд А.А.* Основы советской системы физкультуры. М.: Новая Москва, 1926. 144 с.
8. *Сидорчук И.В.* Дискуссии о «физическом вырождении пролетариата» и советский евгенический проект 1920-х гг. // *Известия Уральского федерального университета*. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2018. Т. 20. № 3 (178). С. 71–84.
9. *Семашко Н.* Великий сдвиг // *Известия физической культуры*. 1925. № 18. С. 1.
10. *Быховская И.М., Мильштейн О.А.* Советская социология спорта: старт и... еще раз старт (субъективные заметки с претензией на объективность) // *Социологическое обозрение*. 2017. Т. 16. № 2. С. 284–319.
11. *Гориневский В.В.* Культура тела: Двигательные средства физической культуры. М.: Наркомздрав РСФСР, 1927. 318 с.
12. *Ромм М.* Ручной мяч и итальянская лапта. М.: Высший военный редакционный совет, 1924. 78 с.
13. *Семашко Н.А.* Пути советской физкультуры. М.: ВСФК, 1926. 89 с.
14. История физической культуры и спорта / Под ред. В.В. Столбова. М.: Физкультура и спорт, 2001. 423 с.
15. *Жолдак И.* Мировая спартакиада: Праздник пятилетки. М.: Физкультура и туризм, 1932. 56 с.
16. *Милеев С.* Искусство и физическая культура. М.; Л.: Физкультура и туризм, 1931. 207 с.
17. *Милеев С.* Физкультура и религия. М.; Л.: Московский рабочий, 1932. 71 с.: ил.
18. *Бурдые П.* Программа для социологии спорта // *Бурдые П. Начала* / Пер. с фр. Н. Шматко. М.: Socio-Logos, 1994. С. 257–275.
19. *Krawczyk Z.* Physical Culture from the Perspective of Values – a General and Selective Approach to Physical Culture // *International Review for the Sociology of Sport*. 1988. Vol. 23. No. 2. P. 97–107.
20. *Быховская И.М., Лялевич И.Ю.* Аксиология телесности и здоровья: вертикали и горизонталь сравнительно-культурного анализа // *Международный журнал исследований культуры*. 2018. № 4. С. 208–223. DOI: 10.24411/2079-1100-2018-00076
21. История тела: В 3 т. / Ред. А. Корбен, Ж.-Ж. Куртин, Ж. Вигарелло. М.: НЛО, 2012–2016.

22. Crossley N. The social body: habit, identity, and desire. L.: SAGE, 2001. 178 p.
23. Featherstone M. Body, image and affect in consumer culture // *Body and Society*. 2010. Vol. 16 (1). P. 193–221.
24. Roberts D. Modified people: indicators of a body modification subculture in a post-subculture world // *Sociology*. 2014. Vol. 49 (6). P. 1096–1112.
25. Shilling K. The body and social theory. L.: SAGE, 2012. 336 p.

References

1. Frank A. For a sociology of the body: an analytical review. V: *The Body: Social Process & Cultural Theory*. L.: Sage, 1991. P. 14–36.
2. Sunik A. *Essays on the domestic historiography of the history of physical culture and sport*. Moscow: Sovetskii sport Publ.; 2010. 616 p. [In Russ.]
3. O'Mahony M. *Sport in the USSR. Physical Culture – Visual Culture*. Moscow: Novoie Literaturnoye Obozrenie Publ.; 2010. 296 p. [In Russ.]
4. Petrova E., ed. *Sport in Soviet porcelain, graphics, sculpture*. Sankt-Petersburg: Palace Editions, 2018. 232 p. [In Russ.]
5. Edelman R. *Serious fun. The history of spectator sports in the USSR*. Moscow: Sovetskij sport Publ.; AIRO-XX1 Publ.; 2008. 400 p. [In Russ.]
6. Borrero M. Sport in Russia and Eastern Europe. V: Edelman R., Wilson W., eds. *The Oxford handbook of sports history*. N.Y.: Oxford Univ. Press, 2017. P. 319–30.
7. Zikmund AA. *Fundamentals of the Soviet system of physical education*. Moscow: Novaja Moskva Publ.; 1926. 144 p. [In Russ.]
8. Sidorchuk IV. Discussions on the “Physical degeneration of the proletariat” and the Soviet Eugenics project of the 1920s. *Izvestia. Ural Federal University*. Series 2: Humanities and Arts. 2018;3:71–84. [In Russ.]
9. Semashko NA. The great shift. *Izvestija fizicheskoy kul'tury*. 1925;18:1. [In Russ.]
10. Bykhovskaya I., Milstein O. The Soviet sociology of sport: start and... start once again. *Russian sociological review*. 2017;2:284–319. [In Russ.]
11. Gorinevskii V. *Body culture. Motor means of physical culture*. Moscow: Narkomzdrav RSFSR Publ., 1927. 318 p. [In Russ.]
12. Romm M. *Handball and Italian lapta*. Moscow: Vyschi voenyi redactzionnyi sovet Publ., 1924. 78 p.
13. Semashko NA. Ways of Soviet physical culture. Moscow: Fizkul'tizdat Publ., 1926. 89 p. [In Russ.]
14. Stolbov VV. (ed.) History of physical culture and sports. Moscow: Fizkul'tura i sport Publ., 2001. 423 p. [In Russ.]
15. Zholdak I. World Spartakiada. Five year plan holiday. Moscow: Fizkultura i tourism Publ, 1932. 56 p. [In Russ.]
16. Mileev S. Art and physical culture. Moscow, Leningrad: Fizkul'tura i turizm Publ., 1931. 207 p. [In Russ.]
17. Mileev S. Physical culture and religion. Moscow: Moskovskii rabochii Publ., 1932. 71 p. [In Russ.]
18. Bourdieu P. Program for sociology of sports V: Bourdieu P. Choses dites. Moscow: Socio-Logos Publ., 1994. P. 257–75. [In Russ.]

19. Krawczyk Z. Physical culture from the perspective of values – a general and selective approach to physical culture. V: *International Review for the Sociology of Sport*. 1988;2:97-107.
20. Bykhovskaya I., Lyulevich I. Axiology of human body and health: verticals and horizontals of cross-cultural analysis. V: *International Journal of Cultural Research*. 2018;4:208-23. [In Russ.]
21. Corbin A., Courtine JJ., Vigarello G. (eds.) History of Body. Vol. 1-3. Moscow: Novoie literaturnoye obozrenie Publ.; 2012-2016. [In Russ.]
22. Crossley N. The social body: habit, identity, and desire. L.: SAGE, 2001. 178 p.
23. Featherstone M. Body, image and affect in consumer culture. V: *Body and Society*. 2010;1:193-221.
24. Roberts D. Modified people: indicators of a body modification subculture in a post-subculture world. *Sociology*. 2014;6:1096–112.
25. Shilling K. The body and social theory. L.: SAGE, 2012. 336 p.

Информация об авторе

Ирина М. Быховская, доктор философских наук, профессор, Московский городской педагогический университет, Москва, Россия; 129226, Россия, Москва, 2-й Сельскохозяйственный пр., д. 4; bykirina@gmail.com

Information about the author

Irina M. Bykhovskaya, Dr. of Sci. (Philosophy), professor, Moscow City University, Moscow, Russia; bld. 4, Vtoroy Selskohoziastvenny proezd, Moscow, Russia, 129226; bykirina@gmail.com